

ных его версий, создаваемых и воссоздаваемых каждый раз заново, по памяти, способствует полной соотнесенности момента повествования и момента говорения.

Это значит, что редакции Жития могут быть рассмотрены как тексты, связанные между собой общностью письменного источника, а не только единством авторского сознания, их породившего.

Сопоставление текстов убеждает в том, что таким источником для создания Аввакумом редакции *А* послужил текст особого вида редакции *Б*, ее стилистический вариант *Б₁* (или *Б₂*): целый ряд общих чтений, как уже отмечалось выше, связывает эти два текста.

Текст редакции *В* в тех местах, где нет распространений, свойственных только *В*, близок и *А*, и *Б*. Текст *В* как будто бы объединяет редакции *А* и *Б*. В редакции *В* есть целый ряд эпизодов, имеющих только в *А*: рассказ о встрече с иноземцами на Иртыше, подробное описание «московского бытия» протопопа после сибирской ссылки, обещание дать ему место на Печатном дворе, богатые подарки бояр, рассказ о приходе в Пафнутьев монастырь юродивого Федора и др. В редакции *Б* эти тексты отсутствуют. Но с редакцией *Б* ее объединяет одинаковая композиция заключительной части Жития: в редакции *В*, так же как и в *Б*, нет «эпилога», свойственного *А*, — рассказа о казнях на Мезени и Москве, нет обличения «никониан», заключающего описание казней (сразу вслед за описанием пустозерской казни 14 апреля 1670 г. Аввакум обращается ко всякому «правоверному» с просьбой о прощении за свое повествование).

Аналогичная картина наблюдается и в мелких чтениях текста.

Анализ общих чтений редакций *В*, *А* и *Б* показывает, что с текстом *Б* редакция *В* была связана генетически (обратим внимание на то, что многие эпизоды, отсутствующие в редакции *В*, никак не «мешают» идейной направленности редакции и их нет потому, что ими не располагала редакция *Б*), влияние же текста *А* на редакцию *В*, по-видимому, не было непосредственным, оно не было обусловлено влиянием письменного источника (напомним кстати, что текст редакции *А* Аввакум отослал из Пустозерска в составе Пустозерского сборника). Сходство текстов *В* и *А* объясняется единством творческого сознания автора Жития: все, казавшееся ему существенным, Аввакум включил в редакцию *В* из редакции *А* по памяти.

Этому объяснению как будто противоречит наличие ряда общих для *А* и *В* мелких чтений, иногда дословно совпадающих (например, если в *Б₀* читаем: «Приидоша в село мое скоморохи с медведьми», то в *А* и *В*: «Приидоша в село мое плясовые медведи», и др.). Объяснить эту связь *В* и *А* можно текстом общего источника, использованного и той, и другой редакцией. Для редакции *А* таким источником был текст *Б₁*, обладающий отдельными чтениями *А*. Он же послужил источником для редакции *В*.

Что же представляет собой Прянишниковский список Жития? Прянишниковский список Жития дошел в составе керженского по происхождению сборника сочинений Аввакума начала XIX в., найденного В. И. Малышевым (ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова (ф. 242) № 61). Состав сборника необычен. Кроме Жития Аввакума особой редакции в нем находятся две челобитных Аввакума царю («первая» и «пятая»), и ряд неизвестных ранее сочинений Аввакума самых последних лет его жизни, причем все эти тексты слиты в рукописи воедино, так что даже трудно иногда провести границу между ними: они производят впечатление переписанных вместе черновых бумаг.